

земского народные посланцы встретят в нем петербургского императора в прусском мундире, тесно сердечного немца, окруженного синклитом таких же немцев? Что, если вместо ожидаемой свободы, царь не даст ему ничего или почти ничего и захочет отделаться от народа словами да полумерами? Ну, тогда несдобровать и царизму, по крайней мере императорскому, петербургскому, немецкому, гольштейн-готторпскому! Ведь привязанность народа к царю не придворная, не холопская, не религиозная. И религия народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворения себе на земле. В общем чувстве народном обетованный час исполнения, кажется, настал, и народ не даст ему пройти даром. Тогда опять кровавая революция. Но если бы в этот роковой момент, когда для целой России будет решаться вопрос о жизни и смерти, о мире и крови, царь земский предстал перед всенародный собор, царь правдивый, любящий народ по воле его, чего бы не мог он сделать с таким народом! Кто смел бы восстать против него? И мир, и вера восстановились бы, как чудом и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех привольно... Руководимый таким царем, Земский Собор создал бы новую Россию на основаниях вольных, широких, без потрясений, без жертв, даже без усиленной борьбы и без шума, потому что воля и нужды народа ясны, потому что в нем выработался ум крепкий и здоровый, зародыш будущей организации, и потому что злой умысел и никакая враждебная сила не были бы в состоянии бороться против соединенного могущества царя и народа.

Есть ли надежда, что такой союз состоится? Мы скажем прямо, что нет. Несмотря на несомненную преданность народа к царю, царь видимым образом боится его. Боится потому, что не любит его, потому что не хочет поступиться перед ним своею немецкою важностью, своим мелким императорским произволом и потому что чувствует, вероятно, что с этим народом шутить нельзя. Но, может быть, он решился бы еще довериться народу в надежде на его слепую привязанность, если он не боялся пуще всего влияния передовой революционной молодежи. Страх в настоящее время еще совершенно напрасный! Как ни горько сознаваться в этом, но я думаю, что для будущего успеха самого революционного дела мы должны громко высказать то убеждение, что до сих пор влияние нашей партии на народ было близко к нулю. Революционная пропаганда еще не нашла к нему доступа и не умела еще потрясти его туземной, его несчастной веры в царя. Никогда еще не чувствовался так сильно разрыв, существующий между народом и нами, и никто из нас не перешел еще через пропасть, отделяющую нас от него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но он нас не знает, и пошел бы, без сомнения, против нас за царя, потому что и его он также не знает. Итак, если вы хотите встретиться с народом, свободным от наших влияний, сзывайте его теперь. Ну а если пропустите время, то, пожалуй, наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьет себе, наконец, дорогу к народу и чрез роковую пропасть подаст ему руку. Вина будет ваша.

И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастье: несчастье потому, что молодежь уже сама по себе составляет и право, и силу, особенно когда, не заключаясь в себе, собою суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется в народ, к службе народной. Для такой молодежи нет непреодолимых препятствий. Народ, сам молодой и сам страстный, рано или поздно призовет ее. Почему ж она против вас? Недавно умерший предводитель демократической партии в Соединенных Штатах, полковник Дуглас, во время последних президентских выборов сказал одному из своих друзей: «Наше дело потеряно, молодежь против нас!» Глубокое слово! Молодежь, как народ, живет более инстинктом, а инстинкт всегда тянет ее на сторону жизни, на сторону правды... С нею беда. Она может ошибаться в мыслях или, вернее, в выражении мыслей своих, — в чувстве она ошибается редко. А чувство вашей молодежи, всюю энергией своею отталкивает ее от вас. Вы, господа доктринеры всякого рода, ее ненавидите, как вообще не любят ее школьные учителя, которые чувствуют, что она вправе над ними смеяться. Она бежит от вас, потому что пахнет от вас фарисейским педантством, ложью и смертью; а ей прежде всего надо жизни воли да правды. Но почему отстала она от царя, почему объявила себя против того, кто первый объявил свободу народу?

Никто не посмеет упрекнуть ее в эгоизме. Она рукоплескала освобождению крестьян и готова теперь отдать все, начиная с себя, для того только чтоб русский народ был свободен. Не увлеклась ли она отвлеченными революционными идеалами и громким словом «республика»? Отчасти, пожалуй, и так. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимает, что западные абстракции, консервативные ли, либерально-буржуазные или даже демократические, к нашему русскому движению неприменимы: что оно, без сомнения, и демократическое, и в высшей степени социальное, но что оно развивается вместе с тем при